

ПУШКИН — РОДОНАЧАЛЬНИК НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. В. Шумихин

РУКОПИСИ СЕЛА ВЕНЕЦ

(несостоявшаяся экспедиция 1938 года за пушкинскими бумагами)

Созданный в 1934 г. В.Д.Бонч-Бруевичем Государственный литературный музей (ГЛМ) повел работу по собиранию рукописных, музейных и книжных фондов с большим размахом. Общественное положение бывшего управделами Совнаркома, его партийные и государственные связи, непричастность к оппортунистической «ереси» любого извода, а также личные качества делового и энергичного человека, нашедшего в архивном деле свое истинное призвание уже в 60-летнем возрасте, позволили ГЛМ уверенно выйти на первое место, во многом опередив Центрархив. Только за одно предвоенное десятилетие было собрано около 3-х миллионов рукописей; наиболее значительные поступления оперативно публиковались в «Литературном наследстве», «Звеньях», «Летописях Государственного литературного музея». В крупных городах у музея были свои представители; за границей поручения Бонч-Бруевича по розыску и приобретению архивных материалов выполняли сотрудники советских полпредств и посольств. Сотни людей приходили в приемную музея и в директорский кабинет, с тысячами велась переписка. Как известно, ныне все материалы, собранные Бонч-Бруевичем, хранятся в РГАЛИ.

В феврале 1938 года в приемной ГЛМ на Моховой появился некто Александр Петрович Белов, приехавший из Куйбышева, где он служил на Поволжской лесной и агролимитированной станции. Дальнейший ход событий устанавливается из переписки Белова с ГЛМ (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 605).

Данная статья является одним из приложений к кандидатской диссертации «Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного литературного музея в 1931—1941 гг.», защищенной автором в 1988 году.

Итак, выяснилось, что осенью 1916 года, будучи лесным смотрителем, Белов обследовал казенные леса на границе смежных Горбатовского и Ардатовского уездов Нижегородской губернии. В глухой деревне Венец он познакомился с престарелой Марьей Орестовной Ивановой, которая вместе со старой служанкой жила на отдельном хуторке. У нее в доме Белов, как он потом вспоминал, увидел сундук, наполненный старинными рукописями, где были: конверт с надписью «А. С. Пушкин», заключающий в себе 12 писем и отрывки в стихах и прозе, тетрадь стихотворений Пушкина, по словам Белова «известных в литературе», прошнурованная и снабженная печатью цензурного комитета, а также были бумаги Баратынского, Дельвига и других, неизвестных Белову лиц. Владелица сундука сказала, что рукописи остались от ее отца, который лично знал Пушкина, и что когда они жили в Петербурге, поэт часто бывал у ее отца по делам.

Возвратившись в Нижний Новгород, Белов сообщил о своей находке сотрудникам Нижегородской губернской архивной комиссии. Эта комиссия считалась одной из лучших в России; издававшиеся ею «Труды» до сих пор сохраняют свое краеведческое, археографическое и историческое значение; ее председателем был Александр Яковлевич Садовский (отец писателя Б. А. Садовского), служивший прежде инспектором Удельной конторы, то есть до некоторой степени бывший коллега Белова. Предполагалось, что Белов сделает на заседании комиссии основательный доклад о своей находке, а комиссия ассигнует деньги на приобретение бумаг, хранящихся у М. О. Ивановой. Однако революция и последующие события — включая и упразднение Нижегородской архивной комиссии в связи с реформой архивного дела летом 1918 года — расстроили эти планы.

В начале 1920-х гг. Белову снова по делам службы удалось побывать в селе Венец. Он узнал, что М. О. Иванова умерла в 1917 году, но все ее бумаги находятся у крестьянина Д. П. Кильдяшкина. Белов познакомился с культурным крестьянином, повторно осмотрел бумаги и списал четыре наиболее разборчивых стихотворных отрывка из «пушкинского» конверта. Далее он отослал эти стихотворения вместе с изложением всей истории в редакцию «Известий» (подобных публикаций Белова в газете за 1920-е годы не обнаружено).

Вот как излагал он эту историю в своем заявлении в Государственный музей А. С. Пушкина:

«В ГОС. МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

в рукописный отдел

З а я в л е н и е

Лесного инженера,
инвалида А. П. Белова.

«Алмазный фонд» Вашего Сектора может обогатиться, если не обогатился в 1937 г., новыми рукописями А. С. Пушкина, которые я нашел в 1920—22 гг. в Нижегородской губ. б<ывшего> Ардатовского у<езда>»,

с. Венец у гр. Кильдяшкина, где жила владелица этих рукописей Иванова, дочь издателя произведений А. С. Пушкина — Орестова. Рукописей было 2/3 деревянного сундука, в числе их были рукописи Баратынского, кажется, Огарева и др. друзей Пушкина; там же была в мизинец, даже толще, рукопись Пушкина, разрешенная цензурой к печатанию и припечатанная печатью цензуры со шнурком. Рукописи были в беспорядке. Я, как заколдованный, ходил и пересматривал и читал их 2-3 дня, пока прислуга Ивановой не захлопнула сундук и я уехал, т. к. мне давали их только списывать и т. Иванова сказала мне, что рукописи — реликвии. Это их семейная гордость, святыня, я почерка Пушкина не мог вспомнить, <но> не мог не верить ей — так искренно она им восхищалась, — но я списал 3—5 стихотворений и послал их в редакцию «Известий», отсюда мне написали, что пушкинисты признали их подлинно написанными великим поэтом и выслали мне в Нижний 30 р. гонорара, а в 1924 г. выслали ко мне писателя — забыл фамилию — чтобы он деньгами или угрозами увез меня за рукописями; но я был болен и поехать не мог. Они ездили без меня, ничего не нашли, и в прошлом, 1937 г., Пушкинский комитет ухватился за меня; по распоряжению Е. Ф. Розмирович придал в помощь мне проф. словесности МГУ Попова П. А. Е. Ф. Розмирович по телефону уговорила меня с ним поехать, но было холодно; я боялся простудиться, П. А. Попов, по моему мнению, имел для владельцев рукописей слишком важный вид и, видимо, с ним бы ничего не вышло, и я отказался. Ездили ли они без меня, нашли ли что, не знаю, т. к. Пушкинский комитет сейчас ликвидирован. В. С. Нечаевой я не нашел, Попов П. А. не поехал, и я решил написать Вам. Теперь я относительно здоров, правда, с собою не имею теплого, но ехать надо по просушке дорог и я сумею или выписать вещи, или привезти, съехаться в Арзамасе и т. д. Но сначала с Е. Ф. Розмирович выясните: ездили ли за рукописями. Если привезли — рад, но, думаю, не нашли, т. к. с. Венец есть в трех местах б<ывшей> Нижегородск<ой> губ. и сотрудник Пушкинского комитета Владимир Александрович, фамилию забыл, по трехверстке нашел это третье село Венец, и я выяснил, куда ехать. Е. Ф. Розмирович больна, в библиотеку не ходит, и я ничего не мог узнать. Обо мне еще можете справиться у крупного лесн<ого> специалиста, б<ывшего> докладчика Госплана СССР т. Здорика М. И. и его жены (она, верно, и сейчас там); их адрес: Ст. Площадь, д. 5/8, ком. 58. Еще у реж<иссера> Малого театра т. Костромского Н.Ф. (в жизни Чалеева); напишите, что я из Костромы; еще у специалиста Центр. упр. лесоохраны (Петровка, 12), тел. К-0-43-65 (до 2-х часов дня) Сажина Д. К., то же по тел. К-4-35-57 у Соколова А. А.; последний литературно подкованный человек; сейчас пишет роман из жизни Мусоргского М. П. для издания в Ленинграде. <...> Еще дело знает документально и владеет копиями с моих писем в «Известия», а также из писем мне <знает> фамилии лиц, ездивших за рукописями ко мне (он сам ездил за ними, но не нашел. Копии эти <в> 1937 г. читал он мне и тов. Здорику. Но так как после нахождения рукописей я, после шестикратного таскания меня по тюрьмам, попал на один месяц в психиатрическую лечебницу, то в письмах моих года нахождения перепутаны, что он поставил мне в вину и добавил, что он сам бы не прочь поехать, но не менее <чем за> полторы тысячи руб.,

а не за те жалкие суточные, которыми я хотел ограничиться.) Это писатель, партиец Касаткин И. М. (ул. Грановского, 3, кв. 59). Он знает меня более 10 лет. <...> Владелица рукописей, кажется, по справкам т. Касаткина, умерла, хозяин избы Кильдяшев или Кильдяшкин (имя забыл) едва ли уничтожит рукописи, он знал, чьи они. Могут они быть и в РОНО, но до 1937 г. их в Москве еще не было. <...>

P.S. т. Иванова (Орестова) на вопрос, почему же эти рукописи не были изданы, ответила мне: «Я не входила в это, но думаю, что если А. С. Пушкин не находил нужным их печатать, то и не печатали». Я просмотрел едва ли 1/10 их, т. к. в с. Венце был по делам, заходил их читать в свободные часы-минуты и как сейчас вижу их: написаны на толстой серой и голубоватой, редко белой бумаге, на какой тогда писали.

А. Белов»

Белов путался в датах событий, забывал фамилии, некоторые его письма в ГЛМ писаны нервно, чуть ли не истерично и производят впечатление вышедших из-под пера не совсем психически уравновешенного человека. Тем не менее, сотрудники музея заинтересовались его сообщением, но Белов неожиданно исчез — очевидно, уехал обратно в Куйбышев. Снова он появился в Москве без всякого предупреждения примерно через месяц, в марте 1938 г. Оказалось, он взял на работе отпуск и на этот раз твердо решил заручиться поддержкой музея в задуманной экспедиции. Пробыл он в Москве до начала июня, обивая пороги разных учреждений, но безрезультатно. Опубликованное выше «заявление» в музей А. С. Пушкина написано именно в этот период.

Дальнейшая переписка Белова с ГЛМ состоит из цепи взаимных недоразумений, из-за чего экспедиция так и не состоялась. Белов был нервен, раздражителен, временами сумбурен, архивисты же привычно осторожны. 16 марта 1938 г. секретарь музея К. Б. Сурикова писала директору: «Вл<адимир> Дм<итриевич>, Вы знаете — удивительно — старик тот Белов появился сам и Сем<ен> Ив<анович> <Аралов, зам. Бонч-Бруевича — С. III.> предполагает поехать вместе с ним на розыски этих материалов. Риск небольшой, руб. 200 макс<имально>, а вдруг будут замечательные результаты?» На записке имеется помета Бонч-Бруевича: «Это интересно. Надо попробовать».

Однако на сей раз договориться не удалось из-за неуживчивого характера куйбышевского лесоведа. Поскольку в договоре с ним не было оговорено, что Белов получает вознаграждение и в том случае, если поездка окажется безрезультатной, Белов счел договор «кабальным» и отказался подписывать его. Более того, он потребовал, чтобы ГЛМ возместил все понесенные им расходы. Так, в письме от 4 мая 1938 г. он сообщал, что «...приобрел дорожный брезент и ботинки (сапог не нашел) и теперь мне надо с убытками их продавать...» В безрезультатной переписке и устных переговорах прошел весь май, и Белову пора было возвращаться в Куйбышев. Он пробовал обратиться также в Библиотеку им. В. И. Ленина и в недавно созданный Государственный музей А.С.Пушкина, но там к его сообщениям отнеслись с недоверием. 1 июня 1938 г. Белов, напоследок, потребовал у музея возместить все понесенные им в отпуске расходы, включая плату за общежитие в Сокольниках и ежедневные поездки на

трамваях и метро в центр, обходившиеся, по словам Белова, по 90 коп. в день. С. И. Аралов отвечал дипломатически корректно, но непреклонно:

«...напоминаю Вам, что в Государственный литературный музей Вы явились без каких-либо вызовов со стороны музея. Предложение Ваше музей заинтересовало, но условия, поставленные Вами, оказались неприемлемыми и от командировки Вас музей отказался. Поэтому все Ваши претензии в отношении оплаты за Ваши поездки в музей по Вашему собственному желанию <...> считаем несостоятельными».

Обиженный Белов уехал в Куйбышев. Больше он о себе знать не давал, и о дальнейшей судьбе этого человека ничего не известно. Самостоятельно же отыскать село Венец в бывшем Ардатовском уезде для сотрудников ГЛМ было, очевидно, не под силу.

Люди, подобные Белову, время от времени появляются в музеях, архивах, библиотеках, редакциях и издательствах. Этот тип «прожектеров» хорошо известен: они, как правило, одержимы фантастическими идеями и требуют исключительного внимания к своим химерам, — а в данном случае добавился тяжелый характер, психическая неустойчивость... В общем, почти рядовой случай «прожектерского бреда». И оставалось бы, кажется, закрыть и отложить в сторону папку с архивными документами, если бы не одно обстоятельство.

Копия письма в редакцию «Известий», того самого, за которое Белов получил гонорар в 30 руб., сохранилась! Это машинопись, заверенная надписью «Копия верна», с неразборчивой подписью. Вероятно, сотрудник ГЛМ снял копию с копии с того экземпляра, который хранился у И.М.Касаткина. Через несколько недель после описываемых событий Иван Михайлович Касаткин был арестован и расстрелян, архив его, как водится, тоже уничтожили, так что уцелела копия беловского письма 1924 года (в другом месте он называет 1922 год) буквально чудом. Корреспонденция в «Известия» написана по свежим следам последнего из 2-х визитов Белова в Венец. Здесь же переписанные им несколько стихотворений. Приводим этот любопытный документ полностью.

НОВОНАЙДЕННЫЕ БУМАГИ А. С. ПУШКИНА

Еще до начала великой революции, осенью 1916 года, я, будучи казенным лесным смотрителем, объезжал по обязанностям службы Горбатовский уезд Нижегородской губернии. В смежном с ним Ардатовском уезде, присоединенном в настоящее время к Арзамасскому, находились обширные лесные дачи генерала Дурново, который в 1905 году был московским губернатором. С одной стороны к владениям Дурново примыкали леса бывших графов Шереметевых, а с другой — бывший казенный лес, который мне и надлежало обследовать. Места эти глухие, лишенные всякого проблеска цивилизации. В деревне Венец я остановился у местного жителя Дмитрия Поликарповича Кильдяшкина, симпатичного молодого человека, дом которого представлял из себя отрядный оазис в смысле культурности обстановки. У него я увидел полку с книгами. Книги были все старые, в кожаных переплетах и сильно устарелые по содержанию, как

то: Ледяной Дом, сочинения Жуковского, Карамзина и тому подобные архаические издания. Заинтересовавшись, я спросил хозяина о происхождении этих книг. «Эти книги я купил у Марьи Орестовны Ивановой», — ответил мне Д. П. Кильдяшкин. Затем он объяснил мне, что М. О. Иванова, старушка глубоко преклонных лет, проживает в Дурновском лесу со старушкою же служанкой, имеет кое-какие книги и также довольно много бумаг различных писателей, которые достались ей от ее отца. Я с юных лет люблю родную литературу, и так как оставаться в Венце мне надо было еще дня два, то я и решился познакомиться с Ивановой и, кстати, посмотреть книги и бумаги. Д. П. Кильдяшкин любезно проводил меня на хуторок, где жила Марья Орестовна. Обстановка ее жилища была более чем скудная, но опрятная; сама М. О. от глубокой старости почти потеряла слух и вести с ней беседу было весьма затруднительно. В течение разговора выяснилось, что она лично знавала Пушкина, Гоголя, Жуковского и еще много авторов того времени. Я спросил с понятным любопытством, где она могла видеть А. С. Пушкина, и М. О. отвечала, что он бывал часто у ее отца по делам, но что она его видела девочкой и почти не помнит как следует, а что Жуковского хорошо помнит, что он был толстый, румяный и все играл с ней в жмурки. Гоголь же, по ее словам, был шарманщик (?). Полагаю, что это, по всей вероятности, относится к наружности Гоголя. Когда же я спросил М. О., не знала ли она Лермонтова, то она отвечала, что никакого Лермонтова не знала и что такого писателя совсем никогда и не было, даже спросила меня, какой это писатель — русский или иностранный. При этом моя собеседница все упоминала писателя Баратынского, но я, не имея к нему никакого интереса, оставил слова насчет Баратынского без внимания. Из книг оказались тоже больше незначительные авторы старого времени. Затем М. О. показала нам сундук с бумагами ее отца. В числе последних было много листков Пушкина, Баратынского, Барона Дельвига и еще неизвестных мне лиц, несколько связок писем и, что меня особенно поразило, большая тетрадь с надписью на обложке: Мертвые души, часть третья. Известно, что Мертвые души существуют лишь в двух частях, причем вторая далеко не полна, но о третьей части что-то не было слышно. Задавать дальнейшие вопросы я счел неудобным ввиду явно враждебного отношения ко мне старой прислуги, которая все время ворчала и сердилась, и в результате всего захлопнула сундук и объявила, что барыне пора ложиться спать.

Когда я возвратился в Н.Новгород, я тогда же все вышеизложенное записал с целью сделать доклад в ученой архивной комиссии. Тогда же я сообщил об этом известным нижегородским писателям В. Е. Чешихину и А. А. Дробышевскому, а в местных газетах было об этом сообщение. Мы предполагали приобрести бумаги М. О. Ивановой в собственность, но грянувшие вскоре громы Великой революции помешали всем этим благим намерениям.

Весной этого года мне опять пришлось побывать в глуши Горбатовского уезда и ночевать в деревне Венце у того же Д. П. Кильдяшкина. Из беседы с ним я узнал, что М. О. Иванова скончалась зимой 1917 года, и что после ее смерти Д. П. Кильдяшкин приобрел все ее бумаги. К сожалению, не будучи спецом в литературе и не обладая широким образованием, я в течение одного вечера, понятно, не мог как следует рассмотреть все бума-

ги, из которых многие написаны видимо по-французски. Третьей части Мертвых душ не оказалось совсем, и на мой вопрос Кильдяшкин ответил, что ее у него взяло почитать какое-то должностное лицо. Я успел только списать четыре наиболее четких стихотворения Пушкина, которые и прилагаю. Осталось еще двенадцать писем Пушкина, его же какие-то отрывки в стихах и прозе, весьма трудно разбираемые по причине крайне небрежного почерка и, наконец, тетрадь известных в литературе стихотворений великого поэта с печатью и разрешением от цензуры. Все эти бумаги находятся в особом конверте с надписью *А. С. Пушкин*.

1

Чья одинокая могила
В твоём саду под тенью лип,
Кого прошедшее забыло,
Кто для грядущего погиб?

Зачем сюда тропой печальной
Роня слезы на цветы,
В одежде черной погребальной
В вечерний час приходишь ты?

Приходит дева, но для света
Она мертва и холодный крест
Объемля, словно ждет ответа
Последнего от горних мест.

Однажды был я у могилы,
Уже редел туман ночной,
Чернел под липой холм унылый,
Но девы не было молодой.

На оборотной стороне как бы посторонним почерком приписано:

Я знаю парочку волчат,
Которые всегда молчат.
Скажите мне, кто эти звери.
Один Андрей, другая Магу.

2

Победный кончив бой, сняв меч окровавленный,
О сладостях любви мечтал герой влюбленный,
Но слава, шлем к нему крылатый наклоня,
Возвала: «О, герой, ты позабыл меня,
И ..... кто обагрив однажды руку кровью,
Навеки ж ..... мечтами и любовью».

Трех слов невозможно разобрать. Весь листок испещрен различными рисунками.

3

Блажен, кто изучил от скуки
Назона сладкие науки,
Блажен, кому дозволил рок
Из них украдкой на досуге
Еще неопытной подруге
Начальный прочитав урок.
А ты, кто иноческих правил
И не забыл и не оставил,

Пред кем трепещет хитрый бес,
Кто носит схиму под халатом,
О, Сомов, будь моим вожатым
От адской бездны до небес

А. Пушкин

Написано на толстой синей бумаге с золотым обрезом, тщательным почерком. Во второй строчке неясно, Назон или Нерон.

4

Г...точивая дыра,
Отвѣтъ, коль я вопросы строю
Зачем .....
Украшена бл... п.....
И отчего, скажи, прирос
К лицу над жирными щеками,
Где у людей бывает нос,
Собачий х.. с двумя м.....

Ниже приписано: «Вот тебе, милый Лидке (?), плоды моего уединенно-го созерцания. Как ты хочешь...» — дальше по-французски. На оборотной стороне написано: «Московскому амфитриону». Третьей строчки я вполне разобрать не мог. Прочие до крайности неприличны и мне удивительно, как покойная М. О. Иванова их могла у себя держать. Однако я решаюсь и их предать печати, так как Д. П. Кильдяшкин мне говорил, что в полных собраниях Пушкина свободно печатают и такого рода вещи.

Мое искреннее мнение, что все эти бумаги необходимо, не теряя времени, приобрести для Государственной библиотеки или в Академию наук.

А. Белов

Что можно сказать по поводу этого сообщения? Оставляя в стороне странные сведения о Гоголе и Лермонтове, о третьей части «Мертвых душ» (это мог быть достаточно распространенный жанр «продолжений», вроде «Онегина в XX веке»), остановимся на приведенных стихах. Не имея, разумеется, никаких веских оснований приписывать их А. С. Пушкину, мы все же склоняемся к мнению, что тексты — подлинные, в том смысле, что они созданы в первой половине XIX века, и не являются плодом творчества Белова. То немалое, что мы знаем о нем, никак не позволяет заподозрить лесного смотрителя в способностях, необходимых для осуществления изощренной мистификации.

Что же за архив хранился перед революцией у Марьи Орестовны Ивановой и кто она была? При просмотре комплектов газет «Волгарь» и «Нижегородский листок» за вторую половину 1916 года заметки о находке Белова обнаружить не удалось. Сохранился ли в Нижегородском архиве фонд Нижегородской губернской архивной комиссии, в частности, протоколы ее заседаний за 1916-й год, где как-то должно было отразиться сообщение Белова, нам неизвестно.

Одно из стихотворений посвящено Сомову. Вкупе с отчеством Марьи Орестовны, это наводит на мысль, не дочь ли она О. М. Сомова (1793—1833), чьи систематические издательские контакты с Дельвигом и Пушкиным начались в 1827 году? Если это так, и Марье Орестовне в 1827 г. было хотя бы шесть лет, — достаточно для того, чтобы смутно запомнить

визиты к ним Пушкина — то в 1916-м ей могло быть около 95 лет. Это вполне совпадает с указанием Белова на глубокую старость его собеседницы. Однако, согласно генеалогии Сомовых, составленной П. П. Винклером, у Ореста (Эраста) Михайловича Сомова, женатого на Марии Леонтьевне Н. был единственный сын Николай, родившийся поздно, в 1831 году, всего за два года до смерти отца (см.: Всемирная иллюстрация. 1892. № 1236; 1893. № 1279). Как известно, ошибки в генеалогических росписях встречаются часто и со временем генеалогические справочники неизбежно обрастают дополнениями и поправками, так что и у Винклера наверняка есть пропуски. Поскольку М. О. Иванова жила в Нижегородской губернии, можно заключить, что она должна была быть записана в родословные книги дворянства Нижегородской губернии, причем в записи будут указаны ее родители.

Но и в том случае, если до кропотливых архивных изысканий руки не дойдут, или же все поиски окажутся безрезультатными, эта история о неудачливом провинциале-пушкинисте А. П. Белове и о несостоявшейся экспедиции за сундуком с рукописями Пушкина, Дельвига, Баратынского, представляет, на наш взгляд, определенный литературный и исторический интерес.

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 6 (1993-94)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Зенкин (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Ошоват (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тищенко (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА